

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ГЛОБАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО АКТРА МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ* Часть 2

В.Г. Иванов

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается становление глобального гражданского общества в качестве нового действующего лица мировой политики. Автор полагает, что роль глобального гражданского общества как своего рода «третьего пути», балансира между государством и свободным рынком, особенно велика в период современного экономического кризиса. Организации глобального гражданского общества разрабатывают новую социально-политическую «повестку дня для мира», предлагают собственные подходы к решению глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Это складывающееся новое общество содержит в себе много внутренних конфликтов и противоречий, тем не менее, его бурное развитие в 1990—2000-х гг. является важной вехой в становлении подлинно глобальной политики.

Ключевые слова: гражданское общество, глобализация, глобальная политика, сотрудничество, международные неправительственные организации, социальные движения.

Понятие «глобальное гражданское общество» еще не включено в научный оборот как однозначное, а используется контекстуально либо трактуется различными авторами по-разному. Недостаточная концептуальная проработанность выбранной темы исследования объясняется новационным характером самого феномена глобального гражданского общества. Нередко одни и те же процессы и тенденции объясняются и классифицируются совершенно по-разному исследователями, вооружившимися разной теоретической оптикой.

В этой связи необходимо прояснить некоторые терминологические разногласия между исследователями, занимающимися данной проблематикой. В частности, разногласия вызывает использование разными авторами понятий «глобальное гражданское общество» (ГГО) и «транснациональное гражданское общество»

* Статья подготовлена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы 2009—2010 гг. (проект РНП.2.1.3/6045 «Гражданское общество: теория и современная практика в мировом и российском измерениях»).

(ТГО). Еще одно терминологическое разногласие заключается в использовании различными исследователями в одном контексте понятий «неправительственные (общественные) организации» (НПО, NGO) и «организации гражданского общества» (ОГО, CGO). Многие используют сразу оба понятия (в настоящей статье мы тоже так делаем).

Современные крупные МНПО, как правило, являются институционализированными организациями с постоянными штаб-квартирами и профессиональным наемным персоналом, занимающимися «продвижением проблем» (*advocacy*) или оказанием услуг преимущественно в гуманитарной или экологической сферах. Это классические организации, такие как Oxfam, Greenpeace или Amnesty International. Многие ассоциируют гражданское общество с деятельностью этих организаций. Однако это ошибочно: такое одностороннее восприятие глобального гражданского общества не отражает много- и разнообразия других его элементов: добровольческих организаций, профсоюзов, религиозных организаций, культурных ассоциаций сетевых структур и т.д. Для обозначения всех этих форм объединения больше подходит термин «организации гражданского общества» (ОГО, CGO). МНПО не имеют права выступать от лица всего глобального гражданского общества.

Из-за деятельности ряда ведущих неправительственных общественных организаций термин «НПО» стал все более ассоциироваться с партикулярной, неолиберальной версией глобального гражданского общества, направленной на сокращение роли государства в общественной жизни и захват ряда прежде традиционно государственных функций. Как следствие, МНПО все чаще обвиняют в бюрократизме, недемократичности, продажности и безответности, как перед рядовыми членами, так и перед теми, чьи интересы они призваны представлять. Понятие «организации гражданского общества» в настоящее время не имеет этих негативных коннотаций.

Глобальное гражданское общество как экономическая сила

Рост глобального гражданского общества обусловлен и ростом доступных для него ресурсов. Речь идет, прежде всего, о технологиях и финансовых ресурсах. Технологической основой ГГО, как уже говорилось, является развитие на основе т.н. «информационной революции» новейших технических средств коммуникации, обеспечивающих распространение глобальных потоков информации через государственные границы и на огромные расстояния, без преувеличения в глобальных масштабах. Это уже привело к возникновению нового явления в мировом развитии, получившего название «глобальная революция в общении». Речь идет, прежде всего, о становящихся все более доступными мобильной связи и сети Интернет. Интернет, с присущим ему духом свободы, децентрализованной архитектурой и минимальными операционными издержками, идеально подходит для деятельности ГГО.

Еще больше выросли экономические возможности гражданского общества.

Следует сразу оговориться, что определить экономический вес организаций ГГО — крайне непростая задача, поэтому здесь можно говорить лишь о довольно

приблизительных данных, позволяющих, однако, увидеть общую тенденцию. Многие исследователи справедливо жалуются на нехватку даже самой общей информации (их количество, размер, направления деятельности, активы, финансовое состояние и т.д.) по этим организациям.

На базе исследования, проведенного Университетом Джона Хопкинса в 35 странах (16 развитых, 14 развивающихся и 5 переходных) на рубеже XX—XXI вв., [19] можно сделать вывод о том, что глобальное гражданское общество в современном мире в дополнение к своему социальному и политическому значению превратилось в весомую экономическую силу, ответственную за значительную долю ВВП и трудовой занятости. Так, только в 35 странах сектор гражданского общества (включая религиозные организации) в 2000 г. имел годовой оборот в 1,3 трлн долл., или 5,1% объединенного ВВП этих стран. Такой масштаб деятельности гражданского общества в этих странах сделал бы его седьмой экономикой мира.

Разумеется, по отдельности по уровню развития гражданского сектора рассмотренные страны сильно отличаются друг от друга.

Кроме того, организации гражданского общества являются основным «работодателем» в этих 35 странах, используя рабочую силу 39,5 млн человек на постоянной основе (или 4,4% экономически активного населения), что в 10 раз превышает число занятых в текстильной промышленности, в пять раз — в пищевой, и на 20% — в транспортной. При этом 43% этих людей работают на добровольных, некоммерческих началах. Всего гражданское общество привлекает в качестве добровольцев и волонтеров 190 млн человек (более 20% взрослого населения). Эти данные демонстрируют способность ГО мобилизовывать значительные человеческие ресурсы.

В России, по расчетам Института экономики города, вес некоммерческого сектора колеблется от 2% ВВП в 1997 г. до 1% в 2003 г. [1. С. 141].

Экономически гражданские организации также часто оказываются довольно независимыми от государства и крупного бизнеса. Согласно исследованию Университета Джона Хопкинса, основной источник дохода (53%) гражданских организаций (правда, преимущественно в развитых странах) — плата за оказываемые услуги, выручка от коммерческой деятельности и другие коммерческие источники, включая пошлины. И только на втором месте идет прямая поддержка со стороны правительств, международных организаций и корпораций, а затем уже пожертвования и взносы частных лиц. Примерно 35% финансовых средств гражданского сектора предоставляют государственные институты, а также т.н. «квази-НПО» (например, фонды пенсионного страхования) посредством грантов, заказов и компенсационных выплат.

Конечно, данная статистика неизбежно страдает значительными погрешностями и неточностями, однако она указывает на немаловажную особенность современного глобального гражданского общества.

Формы финансирования гражданских организаций разнообразны и включают гранты, поддержку различных программ, с учетом тех случаев, когда эти программы осуществляются самой поддерживающей стороной или ее персоналом,

займы, инвестиции, совместные проекты, членские взносы, добровольные пожертвования, подписки, дарение, выделение средств на благотворительность, собственная коммерческая деятельность, работа на добровольной основе и т.д. Крупные международные НПО легче находят и получают значительное финансирование от крупных доноров [17. Р. 195]. Массовые национальные и локальные организации и социальные движения рассчитывают на более скромные финансовые ресурсы, социальные движения часто полагаются в первую очередь на своих собственных членов, их друзей, знакомых и членов семей. При всех ограничениях опора на собственные силы имеет и свои плюсы, например, позволяет сохранить независимость.

Становление глобального гражданского общества

Концепция глобального гражданского общества предполагает его наличие вне и над национальными, региональными и локальными социумами. Конечно, элементы наднациональной и неправительственной сферы существовали и ранее. Новым же в 90-е гг. XX в. стали количество и масштабы деятельности международных и наднациональных институтов и организаций, индивидуальная и групповая устремленность к решению проблем и вопросов, не прибегая к участию или посредничеству государств. Становление глобального гражданского общества явилось следствием в основном двух причин:

1) сам характер глобальных проблем (например, охрана окружающей среды) приводит к появлению общественных акторов, требующих международного коллективного управления этими проблемами и не только силами национальных правительств;

2) растущая необходимость создания международных систем принятия решений, связанных с глобальными проблемами, создает для национальных обществ перспективу потери контроля над внутригосударственным политическим процессом [5].

В силу самой глобальной природы многих проблем государства решают их на международной арене, а не путем принятия внутривнутриполитических решений. Интернационализация проблем, бывших до этого внутривнутриполитическими, поднимает способность гражданского общества к политическому участию.

Хотя национальные политические организации и могут в какой-то мере смягчить эту проблему, они не являются представителями (по крайней мере, единственными) гражданского общества. Поэтому требования гражданского общества по политическому участию в глобальном управлении могут быть выполнены при участии не только делегатов государств и НПО, но и избранных гражданами представителей.

Дж. Хигли и М. Бартон [2. С. 170] полагают, что ядро политической глобализации заключается в процессе усиления взаимодействия между национальными элитами. Новое качество межэлитных контактов заключается в том, что на смену относительно устойчивым альянсам в рамках национальных границ и военно-политических союзов приходит гибкая и меняющаяся конфигурация временных элитных альянсов, пересекающих государственные рубежи. Глобализация сопровождается снижением возможности национальных элит контролировать наци-

ональные экономики, а также отчасти сферы политики и культуры. Поэтому постепенное смещение центра принятия решений с национального на наднациональный уровень ослабляет степень влияния на принятие решений общегосударственного масштаба как рядовых граждан, так и сформировавшихся групп интересов. Иначе говоря, в условиях глобализации субъекты принятия решений менее доступны и легитимны, а их решения принимаются менее гласно и они менее понятны для общества.

Необходимость предварительной тщательной проработки вопросов закономерно приводит к интенсификации контактов между национальными элитами. Некоторые авторы пишут о «всемирной координации правительств» [4. С. 268]. Проведение многочисленных саммитов и встреч на министерском уровне, форумов региональных организаций и конференций негосударственных объединений стимулирует формирование взаимозависимых элит. С. Хантингтон справедливо отмечает возникновение «культуры Давоса» и приходит к выводу, что так образуется отчетливо осознающая свою автономность транснациональная элита, слабо подотчетная национальным электоратам, а значит, процессы глобализации усиливают политическую власть элит. В то же время способность политических элит контролировать население, не считая манипуляцию и репрессии, снижается. Принимаемые на наднациональном уровне решения постоянно стимулируют проведение политики, противоречащей интересам подавляющего большинства населения многих стран. Отсюда — недоверие и ненависть последних по отношению к своим элитам. Как полагает О. Гаман — Голутвина, «опосредованным эффектом глобализации является возвращение элит в состояние неопределенности и высоких рисков, считавшееся нормой в историческом прошлом. Таким образом, в условиях глобализации власть элит возрастает на наднациональном и снижается на национальном уровне» [2. С. 171].

Появление глобального гражданского общества и все более частое обращение правительств к многосторонним переговорам и работе с международными организациями ставят вопрос о демократическом представительстве гражданского общества и механизмах его участия в политических процессах на наднациональном уровне.

Перевод процесса принятия некоторых политических решений из внутриполитической сферы на международный уровень делает государства более автономными от своих обществ, поскольку переговоры происходят на международном уровне, а внутриполитические акторы могут влиять на этот процесс гораздо меньше, чем на принятие внутриполитических решений. Подобные переговоры позволяют государствам проводить совместную политику, которая не была бы одобрена обществом. Выходом из этой ситуации является участие гражданского общества любого государства непосредственно в международном политическом процессе, ведение им «мировой гражданской политики», что подразумевает существование глобального общества граждан. Определение такого гражданского общества может включать три аспекта:

- 1) общественная сфера должна быть защищена от правительственного вмешательства, а гражданское общество — обладать известной долей автономии от государства;

2) должна существовать общность основных ценностей и определенная степень идентичности;

3) характеристикой такого общества должно стать формирование межгосударственных групп и их сетевое взаимодействие.

В формирующемся глобальном гражданском обществе появляется транснациональная идентичность граждан национальных государств. Участники новых общественных движений (пацифистских, экологических, феминистских, сексуальных меньшинств, правозащитных и др.), сохраняя идентичность со своей страной, формируют транснациональную идентичность с участниками международного движения. Новая транснациональная идентичность включает новые нормы, ценности, дискурсы.

Формированию транснациональной идентичности способствует развитие новых информационных технологий, электронные средства связи, Интернет. Как отмечает М. Тысячнюк: «В большей степени транснациональную идентичность и глобальное гражданское общество формируют специальные трансграничные среды, такие как мировой гражданский форум, мировой гражданский экономический форум, движение антиглобалистов. При этом формируется социальная среда, в которой новая глобальная идентичность дополняет национальную» [6. С. 14—15].

Это, естественно, не значит, что участники перечисленных движений представляют глобальное гражданское общество, поскольку местные интересы для них важнее. Возможно, только координаторы этих движений и отдельные активисты в большей степени идентифицируют себя с глобальным обществом и их ценности отрываются от национальных приоритетов.

Исключительно западный феномен?

Являясь сравнительно новой концепцией, глобальное гражданское общество часто произвольно интерпретируется обществоведами и политиками. С самого рождения данного понятия отчетливо заметна тенденция его идеологизации.

Достаточно характерно в этой связи широко распространенное представление о том, что глобальное гражданское общество может функционировать лишь при демократических (причем в западных их моделях) режимах и рыночной экономике. Как полагает, к примеру, Дж. Кейн: «Существует серьезное эмпирическое возражение против попытки разделить рынок и глобальное гражданское общество. Дуализм между рынком и ГГО — это фантом. Глобальное гражданское общество, каким мы его знаем сегодня, не сможет прожить и дня без рыночных сил, вызванных к жизни турбо-капитализмом. Верно и обратное: рыночные силы турбокапитализма не проживут и дня без институтов глобального гражданского общества» [15. Р. 31]. Между тем демократия не установилась во многих развивающихся, новых индустриальных или переходных странах. Поэтому, как считают западные политологи, ОЭСР все еще остается центром глобального гражданского общества. Без сомнения, этот тезис справедлив. Однако следует избегать его слепой абсолютизации. Ошибочно было бы полагать, что «полноценное» ГГО существует лишь в странах Запада, а на «периферии» мы можем увидеть только жалкие несамостоятельные ростки гражданского общества.

В настоящее время в незападных странах действуют многие сотни тысяч НПО и общественных движений. Здесь особенно показателен опыт Индии, Шри-Ланки, Филиппин, некоторых стран Латинской Америки и других развивающихся стран. Возьмем, к примеру, движение Сарводайа Шрамадана, уже более 50 лет возглавляемое А.Т. Арияратне, часто называемым «Ганди Шри-Ланки». Это крупнейшее общественное движение Шри-Ланки, работающее более чем в 15 000 деревень и ежегодно привлекающее миллион добровольцев. Ее сеть организаций с 3000 оплачиваемых сотрудников в штате делают Сарводайа Шрамадана, возможно, крупнейшим общественным движением в мире [14].

Х. Анхайер, М. Глазиус и М. Калдор в своей широко известной работе [8] выразили идею о трех измерениях глобального гражданского общества: 1) распространение институтов ГО (особенно НПО), 2) распространение информационных технологий, 3) рост гражданского участия. Далее они связали интерпретируемое таким образом гражданское общество с представлениями о глобализации в трех ее измерениях — ростом глобального капитализма, усилением взаимосвязанности мира и становлением глобального сознания.

Если судить о глобальном гражданском обществе по этим трем критериям, то процесс его становления особенно активен в Северо-Западной Европе, а не в США, этой цитадели современного капитализма. Если же исходить из параметра информативности (распространение Интернета), то США оказываются далеко впереди Европы, которую опережает и Тихоокеанский регион. По третьему показателю — интенсивности участия в мировых неправительственных организациях и социальных движениях, — Латинская Америка и даже Тропическая Африка значительно опережают США, Восточную и Юго-Восточную Азию. Из этих сопоставлений можно сделать выводы о том, что глобализация соединяет во времени, но не сливает воедино рост глобального капитализма и становление глобального гражданского общества, что эти два процесса не тождественны друг другу.

Развитие глобального гражданского общества заметно во многих регионах мира, где оно нередко имеет свои уникальные формы.

Глобализация и глобальное гражданское общество

Глобальное гражданское общество одновременно и подпитывает процесс глобализации, и испытывает его влияние. С одной стороны, глобализация создает основу ГГО, которое сконцентрировано в странах ОЭСР. С другой стороны, глобальное гражданское общество является также и реакцией на глобализацию, особенно на последствия распространения глобального капитализма в его неолиберальной модели (турбо-капитализма). Население современного мира во все большей степени испытывает потребность в участии в событиях, которые влияют на его жизнь. Реализация этой потребности таит в себе как опасности, так и возможности. Она может привести к анархии, этническому насилию или социальной дезинтеграции. В то же время, при наличии соответствующих национальных и глобальных рамок, она может стать источником инноваций для создания новых, более справедливых обществ.

В этой сфере за последние годы открылось множество новых возможностей. Подобная ситуация ставит целый ряд новых задач, которые отсутствовали еще

10—15 лет назад. Растущее участие граждан и их организаций в «мировой гражданской политике» требует реформирования мировой экономической системы, чтобы предложить каждому доступ к плодам экономического развития; децентрализации управления, чтобы обеспечить больший доступ к процессу принятия решений; институциональной перестройки, чтобы местные сообщества имели большее влияние на национальные и глобальные проблемы.

Х. Анхайер, М. Гласиус и М. Калдор в ежегоднике «Глобальное гражданское общество» [8] выделили четыре позиции субъектов гражданского общества по отношению к глобализации:

первая из них объединяет сторонников всех сторон современной глобализации, выступающих в поддержку транснационального бизнеса, трансгенной инженерии, «гуманитарных интервенций», распространения «международных режимов» и т.д. (это контингент, который авторы определяют как близкий к «верхам общества»);

вторая объединяет реформистов, представленных двумя крыльями — сторонниками глобализации, которые стремятся ее цивилизовать, реформировать мировые экономические институты, усилить ориентацию на ценности социальной справедливости, и теми, кто в принципе придерживается похожих целей, но желает быстрых действий, тотальной социальной трансформации;

третья позиция соответствует взглядам государственников, которые хотели бы вернуться из глобализирующегося мира в мир национальной государственности как основного субъекта мироустройства. Они поддерживают те стороны глобализации, которые им выгодны, и критикуют те процессы, которые им мешают. Например, поддерживают рост капитализма, но выступают против открытия национальных границ;

четвертая позиция принадлежит альтернативистам, которые не выступают открыто за или против глобализации, но за свой особый образ и стиль жизни. Они выступают против власти денег, за невоенное вмешательство в конфликты и т.п.

Соответственно, типологию организаций глобального гражданского общества можно проводить и на базе этих параметров.

По отношению к глобальному капитализму различные элементы глобального гражданского общества можно разделить на четыре группы (опять же, не стоит забывать, что речь идет об идеальных типах).

1. Изоляционисты состоят преимущественно из левых, а также некоторых экологических движений, аналитических центров, антиглобалистских организаций, национальных общественных движений и отдельных граждан. Изоляционисты олицетворяют негативный ответ глобального гражданского общества на глобальный капитализм и «макдоналдизацию», они призывают отказаться от существующего глобального экономического порядка. В своей оппозиции МВФ, Всемирному банку и иным институтам Бреттон-Вудской системы и глобализму левые изоляционисты, казалось бы, парадоксально находят себе союзников среди крайне правых.

2. К сторонникам глобального капитализма относятся, прежде всего, аналитические центры, СМИ и граждане, лоббирующие интересы крупного трансна-

ционального бизнеса. К ним можно отнести Американский предпринимательский институт, «Экономист», «Уолл-Стрит Джорнал», Центр гражданского общества в Индии и т.д. Хотя обычно внимание акцентируется на противоречиях интересов глобального гражданского общества и глобального капитализма, взаимоотношения между ними не всегда конфликтны. С точки зрения этой группы гражданское общество может выигрывать в случае распространения глобального рынка в бывших авторитарных странах. Кроме того, считается, что капитализм более эффективен, чем его альтернативы;

3. Большинство движений, организаций, активных на глобальной арене, могут быть причислены к группе реформистов. Они включают большинство профсоюзов и близких к ним мозговых центров (например, Институт политических исследований), организаций содействия развитию, влиятельных частных лиц (таких как Дж. Сорос). В отличие от изоляционистов, они не призывают к революционным изменениям существующего общественного порядка. Они предлагают набор инициатив в области глобального управления, таких, как налог Тобина или регулирование деятельности ТНК. Некоторые из этих инициатив являются очень перспективными и полезными, другие могут быть утопичными и даже требовать для своего выполнения создания глобального государства.

4. Альтернативисты представлены и как организации (например, сапатисты), и как социальные сети, активизирующиеся только в течение определенной кампании, и как определенный образ жизни. Они обеспокоены политическими и культурными последствиями турбокапитализма и его репрессивными практиками не меньше, чем его экономическими последствиями.

Взгляд с «периферии»

Конечно, по-разному рассматривают и процесс глобализации, и формирование глобального гражданского общества, и его задачи исследователи из развитых и развивающихся стран.

Политики и обществоведы (особенно на Западе) нередко рассматривают глобальное гражданское общество как распространение институтов, которые уже существуют на Западе, особенно в США. Поддержка гражданского общества понимается как некий политический эквивалент неолиберализму в экономике. Глобальное гражданское общество рассматривается как ограничитель роли государства (ограничивая его полномочия и беря на себя часть его функций). Сами активисты гражданского общества, в основном, напротив, считают его призванным не ограничивать роль государства, а делать политические институты более ответственными. На глобальном уровне это ведет к потребности влиять на глобальные институты.

В то же время многие политологи из развивающихся стран, признавая значительные достижения международных неправительственных организаций, высказывают опасения по поводу как возможного евроцентризма становящегося глобального гражданского общества, так и все более отчетливо прослеживающейся взаимосвязи ключевых МНПО с правительствами западных стран, ТНК и финансовыми организациями.

Так, индийский исследователь Н. Чандхок, затрагивая актуальные вопросы представительства и отчетности ведущих мировых МНПО, занимающихся «правами человека», задается вопросом: «МНПО, представляющие потребности, интересы и непосредственные проблемы людей по всему миру, доминируют в ГГО. Однако основная проблема заключается именно том, как и какие потребности представляют эти организации. Практика показывает, что они часто просто констатируют эти потребности и интересы, а не представляют их. Учитывая, что большинство влиятельных НПО находятся в странах Запада (даже те, которые представляют, по идее, интересы развивающихся стран), можно задать вопрос: насколько адекватно и компетентно интересы народов развивающихся стран представляются этими организациями?» [9. Р. 370]. Ведь эти МНПО вряд ли встречаются с людьми, чьи интересы и проблемы они представляют, и они также не учитываются перед этими людьми. Финансирование этих организаций, как уже было показано выше, также осуществляется преимущественно из стран ОЭСР.

Действительно, ведущие НПО обладают большим авторитетом в сфере определения и защиты прав человека, поэтому то, как они расставляют приоритеты, уделяя первостепенное внимание одним видам прав и пренебрегая другими, представляет немалое значение. Т. Рисс констатирует: «Сегодня такие организации, как Amnesty International, Human Rights Watch и The Lawyers Committee for Human Rights, определяют, что такое права человека и их нарушения. Их понимание этих вопросов считается окончательным и неоспоримым» [18. Р. 186].

В то же время «права человека» понимаются этими организациями преимущественно в абстрактно-политическом смысле, а не с точки зрения их реального социально-экономического наполнения (право на труд, жилье, доступ к здравоохранению и пр.). Это понимание (т.е. примат гражданских прав перед социально-экономическими) в целом соответствует позиции стран атлантического центра [7. С. 211]. «Почему понятия и нормы, вырабатываемые этими организациями», в меньшей степени учитывают права, наиболее остро стоящие для жителей развивающихся стран (Юга)?» — заостряет эту проблему Н. Чандхок.

«Гражданское общество, — пишет Р. Кокс, — это сфера, которая позволяет тем, кто оказался в числе проигравших от глобализации мировой экономики, выразить свой протест и начать поиск альтернатив. Это возможно осуществлять через местные сообщества и национальные гражданские организации. Однако более масштабной и значимой представляется перспектива глобального гражданского общества, в котором эти социальные движения совместно конституируют основы альтернативного мирового порядка» [10. Р. 10—11]. Многим из развивающихся стран такие утверждения представляются лишь прекраснотушной утопией. Остро стоит вопрос адекватного распределения влияния в ГГО. Ведь, как и национальное гражданское общество, глобальное гражданское общество находится под влиянием небольшой группы основных акторов, не все его участники имеют *de facto* право голоса.

М. Шоу отмечает в этой связи: «Вовлеченность в глобальное гражданское общество предполагает связь с западным гражданским обществом, и, таким образом, с западными государствами, представляющими собой «ядро» современной мировой системы. Если, таким образом, западное гражданское общество явля-

ется ядром ГГО, как могут быть услышаны голоса незападных обществ? И как они могут выражаться напрямую, не пройдя сквозь фильтр западных гражданских институтов и организаций, имеющих свои специфические характеристики, понятия, дискурсы и интересы?» [20. Р. 223].

«Теоретики ГГО добавили третью сферу к двум другим, рассматриваемым в рамках миросистемного подхода, т.е. государству и рынку. Я только надеюсь, что глобальное гражданское общество не будет воспроизводить гегемонию Запада в еще одной сфере мировой системы» [9. Р. 370], — заключает Н. Чандхок.

«Элитарная глобализация» vs «глобализация снизу»

Дуализм, вынесенный в заголовок настоящего раздела, все чаще встречается как в специализированных обществоведческих работах и публицистике, так и в публичном дискурсе и программных документах многих современных общественных движений.

Многие исследователи небезосновательно противопоставляют два вектора, две конкурирующие модели интенсификации глобализационных процессов, выделяя амбивалентную роль организаций глобального гражданского общества. Особенно остро это противопоставление распространено среди критически или настороженно настроенных по отношению к глобализации исследователей, апологеты и идеологи глобализации смотрят на этот вопрос принципиально иначе.

«Элитарная глобализация» понимается как модель силового глобализма, основанная на турбо-капитализме и элитизме. Ее ключевыми организующими принципами являются концентрация и централизация власти и ресурсов в руках транснациональной элиты. Для «глобализации снизу», инициируемой гражданским обществом, характерна ориентация на более равномерное распределение ресурсов и децентрализацию политической власти. Р. Эйслер описывает этот конфликт как борьбу между доминантной и партнерской моделями человеческих отношений. Действительно, все более очевидными становятся (во всяком случае, на «периферии» миросистемы) имманентный экстремизм и демагогия «элитарной глобализации», построенной на доминировании союза политической бюрократии и транснационального бизнеса. Проект «глобализации элиты» является, по сути, отрицанием принципов устойчивого развития, сформулированных на конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г., заменяемых корпоративной повесткой дня, переорганизовывающей экономическую, политическую и культурную жизнь мира в пользу правящей элиты развитых стран.

Несмотря на неоднородность и фрагментацию глобального гражданского общества, именно через его деятельность осуществляется, по выражению Р. Фалька, «глобализация снизу», т.е. проект, чей «нормативный потенциал состоит в концептуализации всеобщих общепризнанных ценностей: минимизации насилия, росте экономического потенциала, построении справедливого общества и защите окружающей среды» [12. Р. 171].

Согласно такому подходу глобальное гражданское общество возникло как ключевая социальная сила противодействия атаке на социальную сферу и демократию институтами корпоративной глобализации в последнее десятилетие XX в.

«Общественное сопротивление направлено на Всемирный Банк, МВФ и ВТО, как наиболее одиозные и влиятельные институциональные орудия продвижения неолиберальной политики дерегуляции, устранения экономических барьеров, демонстрации систем социального обеспечения, приватизации общественной собственности и т.д. По этой же причине пристальное внимание глобального гражданского общества обращено и на ТНК и финансовые рынки», — отмечает Р. Фальк. ГГО возникает, как утверждает Д. Кортен, «как выражение любви к жизни, свободе, солидарности и демократии, которая находится в душе каждого человека» [16]. Это сложное сообщество удерживается вместе верой в широкую демократию и силу информации. Р. Найдер описывает это сообщество как новую дихотомию, движение от старого деления на «левых-правых» к новой парадигме «низа и верха». Если корпорации, правительства и международные соглашения работают «сверху-вниз», то сетевые сообщества функционируют наоборот, «снизу-вверх».

Таким образом, можно выделить два типа организаций глобального гражданского общества по отношению к процессам глобализации: системные и анти-системные (или, вернее, альтерсистемные). Соответственно, достаточно наглядно виден раскол внутри ГГО по ряду важнейших глобальных вопросов.

Основной критерий различия — разрабатывают или поддерживают ли организации альтернативную версию глобализации или продвигают уже разработанную «хозяевами» мировой системы глобалистскую версию «элитной глобализации». На наш взгляд, это можно выявить по следующим показателям:

1) каковы источники и механизмы финансирования организации или общественного движения, насколько она самостоятельна в финансовом плане;

2) как она организована (учитывается жесткость, иерархичность, бюрократизация внутренней структуры, при этом нельзя упускать из внимания действие т.н. «железного закона олигархии» Р. Михельса);

3) как и чем организация отчитывается о своей деятельности/финансировании;

4) степень готовности активистов организации выдерживать большой объем организационных издержек, а также идти на личные риски, подвергая опасности свое здоровье, свободу, жизнь и собственность;

5) какова позиция организации по поводу рубежных глобальных вопросов, таких как: МСИ, свободная торговля (ВТО), транснационализация элит, «новый империализм», «культура Давоса», массовая приватизация, «налог Тобина», растущее социально-экономическое неравенство, перевод социально-экономических институтов на самоокупаемость, война и поствоенная ситуация в Ираке, «цветные революции», гуманитарные интервенции, параллельные саммиты и др.

По этим показателям мы видим, что гораздо чаще первый тип организаций (т.е. системное, т.н. «правильное гражданское общество»), особенно в лице крупных, широко известных, профессионализованных МНПО с немалыми бюджетами (которые, как известно, часто практически присваивают себе право выступать от лица всего ГГО и рассматриваются именно в качестве его ключевых представителей) оказывается несамостоятельным, бюрократизированным, «прирученным», непродуктивным и конформистским.

Действительно, многие ведущие мировые МНПО больше напоминают коммерческие или бюрократические организации, чем гражданские структуры, что приводит к их закономерной критике и утрате легитимности. Так В.-Д. Эбервайн предупреждает о потере независимости НПО вследствие их профессионализации и адаптации к существующим международным организациям, правительствам и финансовым институтам, упоминая о реальной тенденции смещения приоритетов в работе неправительственных организаций при их систематической работе с донорами из Еврокомиссии, USAID и иных фондов.

Профессионализация МНПО, требуемая для более успешного получения ресурсов, наблюдается, по мнению В.-Д. Эбервайна, в двух направлениях: усиление финансовой прозрачности и развитие технологий нового публичного менеджмента.

В первом случае сотрудники НКО начинают готовить столько форм отчетности, что сами нередко признают, что за горой бумаг можно забыть как суть дела, так и спрятать реальные махинации.

С другой стороны, правила нового публичного менеджмента столь жестки и конкретны, что в процессе их внедрения в работу НПО может быть утерян сам позитивный эффект их деятельности [11]. Автор указывает на опасности утраты независимости и эффективности НПО, связанные с бюрократизацией и излишне узкой специализацией, необходимыми для получения финансирования. В результате часто заявленные цели не достигаются, ресурсы тратятся впустую, растут разобщенность и конкуренция внутри гражданского общества.

Интересным представляется взгляд В.Д. Эбервайна на деятельность НПО в рамках трех концепций демократии. Так, в рамках развиваемой Х. Патнэмом концепции демократии как эффективности деятельности ее институтов (*institutional performance*) внимание фокусируется на выходах политической системы и на активном членстве граждан в общественных организациях (концепция социального капитала). В рамках связываемой с именем Ю. Хабермаса концепции делиберативной демократии внимание фокусируется на участии общественности в подготовке и реализации конкретных политических программ развития (*policy making*), и в центре становится уже не членство в НКО, а ценности и аргументы, вносимые представителями гражданского общества в публичную дискуссию (концепция публичной сферы). В рамках же третьей концепции — концепции предоставления услуг, которая связывается В.Д. Эбервейном с демократией участия — фокус внимания направлен на внедрение, реализацию продуктов работы НПО, и ключевую роль играет сам процесс предоставления услуг [3].

Многие известные политологи разделяют схожие критические позиции. Так, на том же XXI Всемирном конгрессе политической науки К. Стивенсон, отмечая серьезную роль ООН в развитии целых направлений деятельности НПО, в частности женских и феминистских групп, а также реальное влияние НПО на формирование повестки дня ООН, например, в направлениях защиты окружающей среды и концепции устойчивого развития, подчеркивает, что реально можно говорить пока о влиянии НКО только стран Северного полушария. Автор предупреждает об опасности чрезмерной профессионализации НКО: тесная связь некоторых НКО

со структурами ООН, системное получение ими средств из бюджета ООН часто приводит к снижению их критической активности. А. Грум обращает внимание на то, что и в преамбуле Хартии ООН, и в других основных документах этой организации преобладают представления западной культуры. Подразумевается, что участники мирового гражданского общества имеют ресурсы, знания, умения, убеждения, при этом негласно полагается, что это убеждения западной культуры. Он также поставил вопрос — если рост участия НПО — это демократизация, то это демократия — для кого? [13].

Заключение

Являясь сравнительно новым социальным феноменом, глобальное гражданское общество уже сейчас наглядно демонстрирует свой гигантский потенциал и привлекает к себе растущий исследовательский интерес. Все более заметно противопоставление двух видений такого общества: с одной стороны, это пробуждение данэмовского «гиганта в цепях», то есть выход (во многом хаотичный) на глобальную историческую арену прежде политически пассивных широких масс населения из разных стран. С другой — растущая профессионализация «избранных» МНПО и институтов, все в большей степени вовлекаемых в мировую политику по узкому коридору, созданному ведущими странами и международными организациями. Однако ошибочно было бы видеть в противоречивости, диалектичности только слабость этого становящегося глобального общества, это и его сила: разнообразие и своеобразный запас для развития и эволюции, уже исчерпанный, по мнению многих, современной глобальной капиталистической системой.

Глобальному гражданскому обществу необходимо заслужить и постоянно оправдывать свой авторитет, легитимность и эффективность, доказать свою независимость, и тогда оно действительно сможет стать той третьей мировой силой, которую будет невозможно не замечать и игнорировать.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аузан А.* Три публичные лекции о гражданском обществе. — М.: ОГИ, 2006.
- [2] *Гаман-Голутвина О.* Трансформация роли элит и этики госслужбы в условиях глобализации // *Полис*. — 2000. — № 6.
- [3] Глобальное недовольство: дилеммы изменений. Заметки о XXI Всемирном конгрессе политической науки (Сантьяго, Чили, 12—16.07.2009). URL: <http://politprikklad.net.ru/book/export/html/179>
- [4] *Мартин Г.-П., Шуман Х.* Западная глобализация: атака на процветание и демократию. — М.: Издательский Дом «АЛЬПИНА», 2001.
- [5] *Мунтян М.А.* Глобальное гражданское общество и гуманитарные науки. URL: <http://www.c-society.ru/data/200704/oegoigumanitarnyenuki.doc>
- [6] Негосударственные механизмы управления в глобальном обществе (Круглый стол) // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — 2006. — Т. IX.
- [7] *Сардар З., Вин Дэвис М.* Почему люди ненавидят Америку? — М.: Изд-во Проспект, 2003.
- [8] *Anheier H., Glasius M., Kaldor M.* Introducing Global Civil Society // *Global Civil Society 2001* / Ed. H. Anheier et al. — Oxford: Oxford University Press, 2001.
- [9] *Chandhoke N.* How Global is Global Civil Society? // *Journal of World-Systems Research*. — Dec, 2005. — Vol. 11. — № 2.

- [10] *Cox R.* Civil Society at the Turn of the Millennium: Prospects of an Alternative World Order // Review of International Studies. — 1999.
- [11] *Eberwein W.-D.* Professionalization and Participation NGOs and Global Participatory Democracy? // International Political Science Convention. — Santiago di Chile. — July 2009. URL: http://halshs.archives-ouvertes.fr/docs/00/40/36/78/PDF/Santiago_new_300609.pdf
- [12] *Falk R.* Predatory Globalization: a Critique. — Cambridge: Polity Press, 1999.
- [13] URL: <http://politpriklad.net.ru/book/export/html/179>
- [14] *Herath A.K. A.T.* Ariyaratne: Leading Sri Lanka's Largest Civil Society Movement for 50 Years. URL: http://www.huffingtonpost.com/anuradha-herath/at-ariyaratne-leading-sri_b_254537.html
- [15] *Keane J.* Global Civil Society? // Global Civil Society 2001 / Ed. H. Anheier et al. — Oxford: Oxford University Press, 2001.
- [16] *Korten D., Perlas N., Shiva V.* Global Civil Society: the Path Ahead. URL: www.pcdf.org/civilsociety/path.htm
- [17] *Pinter F.* Funding of Global Civil Society Organizations // Global Civil Society 2001 / Ed. H. Anheier et al. — Oxford: Oxford University Press, 2001.
- [18] *Risse T.* The Power of Norms versus the Norms of Power: Transnational Civil Society and Human Rights // The Third Force: the Rise of Transnational Civil Society / Ed. by A.M. Florini. — Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2000.
- [19] *Salamon L.M., Sokolowski S.W., List R.* Global Civil Society. An Overview. — Baltimore: The Johns Hopkins University, 2003.
- [20] *Shaw M.* Global Voices: Civil Society and the Media in Global Crisis // Human Rights in Global Politics / Ed. by T. Dunne and N.J. Wheeler. — Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999.

GLOBAL CIVIL SOCIETY: THE FORMATION OF THE NEW ACTOR OF WORLD POLITICS Part II

V.G. Ivanov

The Department of Comparative Politics
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article is dedicated to the analysis of the emerging global phenomenon: the rise of global civil society as the new actor of world politics. The author suggests that the importance of global civil society as a “third way” between the State and the Free Market is especially high at the time of modern economic crisis. Global civil society organizations work out the new socio-political agenda for the world and new approaches to the global problems. This shaping society is full of conflicts and contradictions but its rapid development in the 1990—2000th is the milestone for developing of truly global politics.

Key words: civil society, globalization, global politics, cooperation, international non-governmental organizations, social movements.